

Что же оставалось делать одинокому, занятому собой Фаусту? Он, как и Фауст Гете, пытается уверить себя, что есть еще единственная цель бытия, которая может принести счастье: «Но есть прямое благо: сочетание двух душ». (Кстати, эпизод с Гретхен — еще одно яркое свидетельство сознательного соотношения Пушкиным своей «Сцены» с трагедией Гете, поскольку роман Фауста с Маргаритой был нововведением Гете). Но надежда Фауста иллюзорна. Мефистофель с жестокой и беспощадной откровенностью раскрывает несостоятельность его упований на счастье, его желания найти забвение скучающей души в любви.

Так сам Фауст вынужден констатировать крах своих идеалов, своей философии. Скука — вот к чему привела его философия индивидуализма. Скука выражает крушение идеала, воодушевляющего и современного европейского человека, трагедию бесплодности жизни, бессмысленности самоценной свободы и тщетности знаний, обращенных на себя. Трудно в этой связи не вспомнить лермонтовскую поэму «Демон», связанную и с пушкинским стихотворением «Демон» и в еще большей мере со «Сценой из Фауста». Там тоже раскрыт трагизм индивидуалистической философии, бессмысленность самоценной свободы, и характерно, что трагедия Демона выражена той же пушкинской формулой: «Жить для себя, скучать собой!».

Жизнь для себя рождает не только скуку, но и ожесточение. Фауст оказывается способным учеником Мефистофеля: он от презрения к людям, вслед за своим учителем, переходит к ненависти. Фауст дан у Пушкина как динамический образ. Его эволюция раскрывается психологическими средствами. Фауст вступает в действие как скучающий человек, который еще тешит себя надеждой обрести счастье и благо в любви. Разоблачение этих лишенных жизненной правды упований Мефистофелем заставляет Фауста сбросить с себя маску скучающего «сверхчеловека». И тогда под ней открывается его подлинное лицо, лицо ненавистника рода человеческого.

Оборвав язвительную, по правдивую речь Мефистофеля — «Сокройся, адское творенье, беги от взора моего», Фауст остается в одиночестве — без желаний и веры, без упований и надежд. Что же делать, чем и как жить? Мефистофель, следуя условиям договора, требует, чтобы Фауст снова и снова приказывал ему удовлетворять свои желания. Но трагедия Фауста в том, что его уже ничто не волнует, как раньше; у него нет больше желаний — он все уже познал. Жить же по условиям подписанного им договора предстояло еще долгих восемь лет.

Этот мотив, правда приглушенный, есть и у Гете. После того как его Фаусту наскучила любовь Маргариты, он говорит: «Так, я перехожу пьянся от желанья к наслажденью, и в наслажденье изнемогаю по желанью». Мадам де Сталь в своем пересказе трагедии Гете несколько меняет акцент этого признания Фауста: «Я перехожу пьянся от желанья к наслажденью, но среди самого